

допустить попадания всей Германии в сферу влияния СССР. Премьера пугала также перспектива скорого политического объединения Европы, которое форсировалось ФРГ с неизменным указанием на объединение Германии [9—А, с. 183]. М. Тэтчер полагала, что само географическое положение немецкой нации делает ее стратегически значимой. В таких условиях объединенная Германия явится скорее дестабилизирующей силой на континенте, если она не будет тесно привязана к НАТО [368]. Одновременно Великобритания следует усилить сотрудничество с Францией. На ужине по итогам франко-британских переговоров 30 ноября 1984 г. М. Тэтчер напомнила, что 66 тыс. британских военнослужащих находятся в ФРГ, а 50 тыс. французов охраняют франко-германскую границу. «У нас обеих такая история, которая дает нам общие интересы и общую ответственность» — наметнула британский премьер [328, с. 102].

Бывший внешнеполитический советник М. Тэтчер Дж. Урбан вспоминал, что в октябре 1984 г. «железная леди» недвусмысленно изложила свою позицию по германскому вопросу в частной беседе. Она заявила, что никогда не поверит, что немецкий национализм мертв или долго не проявит себя. М. Тэтчер была уверена, что как только прежнее поколение немцев, испытавших ужасы войны, отойдет от управления страной, объединение Германии вновь станет актуальной проблемой. «Мы этого не хотим, — открыто заявила премьер-министр, — так как, несомненно, объединенные немцы снова захотят управлять всей Европой» [228, с. 190].

Несколько иной была позиция консервативной группы в парламенте и Форин офис. В ходе парламентских дебатов в ноябре 1984 г. депутаты консервативной партии выразили поддержку политике ФРГ, направленной на создание такой атмосферы в Европе, при которой немецкий народ смог опять воссоединиться путем свободного самоопределения [289, кол. 327]. Публицист Т. Гартон Эш отметил, что если британское правительство серьезно воспринимает идею эволюционного освобождения Центральной и Восточной Европы от советского господства, то оно должно всерьез воспринимать и возможность преодоления раздела Германии [128, с. 166].

Очередной скандал в связи с германским вопросом произошел в январе 1985 г. Немцы Силезии, оказавшиеся после Второй мировой войны в составе Польши и выселенные в ФРГ, организовали землячество «изгнанных». На федеральные деньги они организовали выпуск печатного издания «Шлезьер». В январе 1985 г. на страницах газеты появился призыв организовать вооруженное вторжение в Польшу с целью возвращения Силезии в состав Германии. В адрес ФРГ опять поступило множество обвинений со стороны СССР, Польши и ГДР. Официальный орган печати ГДР «Нойес Дойчланд» выразил уверенность, что идея вооруженного вторжения сил бундесвера в страны Варшавского договора демонстрирует, какие методы собирается использовать Бонн для решения германского вопроса. В Великобритании расценили это событие как вредоносное для внешнеполитиче-

ской деятельности ФРГ и посоветовали Г. Колу сделать ясное заявление об отказе от территорий восточнее линии Одер-Нейсе [131].

Негативная реакция советского правительства и сдержанное отношение стран Запада к актуализации германского вопроса постепенно привели к его полному перемещению в плоскость европейской политики. В сообщении «О положении нации в разделенной Германии» 27 февраля 1985 г. Г. Коль заявил, что в центре германского вопроса стоит обретение свободы всеми европейцами, проживающими по ту сторону Берлинской стены [164, с. 35]. Канцлер считал, что любой, кто подводит черту под германским вопросом, отрицает право на самоопределение, достижение свободы и отказывает в реализации прав человека всем европейцам [341, с. 76]. Однако в Великобритании критично восприняли совмещение германского вопроса с общеевропейской политикой. Историк Г. Крейг, автор «Оксфордской истории Германии», считал, что за европейской риторикой канцлера кроется только одна цель — достижение полного суверенитета и независимости объединенной Германии [193]. Публицист Т. Гартон Эш также полагал, что немцы развивают европейскую и восточную политику, преследуя, в первую очередь, свои национальные интересы [128, с. 166].

2.3. ГДР во внешней политике Великобритании

В начале 1980-х гг. германский вопрос считали в Лондоне открытым, поскольку после Второй мировой войны с Германией не был подписан мирный договор. Существовавший раздел Германии в Великобритании рассматривали как промежуточное состояние. Лидеры ГДР выступали с идеей создания единой социалистической Германии. 15 февраля 1981 г. Э. Хонеккер в речи перед партийными функционерами СЕПГ заявил: «Придет день, когда рабочие ФРГ перейдут к социалистическому строительству государства. Тогда вопрос об объединении Германии предстанет в новом свете» [212, с. 218]. В 1981—1983 гг. в ГДР была разработана концепция «разума и реализма». Главной внешнеполитической целью провозглашалось сближение со странами Запада, особенно с ФРГ. СССР раскритиковал данную концепцию [159, с. 202]. ФРГ стремилась к проведению общегерманских выборов, надеясь на победу партий западной демократии [346]. Англия, несмотря на негативное отношение правительства М. Тэтчер к самой идее социализма, была заинтересована развивать отношения и с ГДР. Э. Хонеккер, со своей стороны, в речи 13 октября 1980 г. в Гере отметил, что ГДР стремится к установлению добрососедских отношений с ФРГ и другими западными государствами [246, с. 524].

Экономическое и культурное направления были главными в англо-восточногерманском сотрудничестве. В Великобритании понимали, что экономика ГДР может выжить только благодаря объемным вливаниям иностранной валюты, ведь западногерманская марка уже в 1979 г. была второй